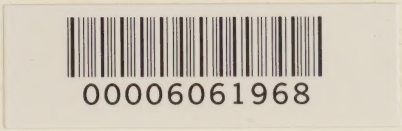
PG3467
.L745
T78
1911

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3467
.L745
T78
1911

DEMCO


00006061968

П. Лучанскій.

ee
c
PG3476
.L745
T78
1911

*

ЦВѢТЫ ДУШИ МОЕЙ.

(НѢМЫЯ ПѢСНИ).

TSVIETY DUSHI MOEI

ИЗДАНІЕ П. П. СКОРОХОДОВА.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. И. Акинфіева, Басковъ пер., 10,
1911.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/tsvietydushimoen00luch

* * *

Цвѣты души моей—нѣмыя пѣсни эти.
Прими ихъ, милый другъ: они не утомятъ;
Ихъ сѣмя отъ тебя—твои они въ букетѣ,
Ты солнцемъ ихъ была—тебѣ ихъ ароматъ.

Цвѣты души моей—нѣмыя пѣсни эти.
Что лучшее могу къ ногамъ твоимъ принесть?..
Люби ихъ, свѣтлый другъ: возлюбленнымъ, на свѣтѣ,
Какъ заколдованнымъ, вовѣкъ имъ не отцвѣсть!

БАЛЛАДА
О РАСПУТНОМЪ МИССЕЛОНѢ.

I.

За Реймсомъ меркнетъ небосклонъ.
Беретъ гитару Мисселонъ,
Беретъ гитару и букетъ,
И, исполняя свой обѣтъ,
Украдкой, съ тѣнью на челѣ,
Къ ладьѣ нисходитъ по скалѣ.

Ладья—кормой на берегу.
Слуга на веслахъ—ни гу-гу:
По взгляду рыцаря, безъ словъ,
Понять задачу онъ готовъ;
Но рыцарь добръ, но рыцарь простъ—
«На мысъ!» командуетъ: «За мостъ!»

Бѣжитъ-расходится угломъ
Янтарный слѣдъ. Дыша теплomъ,
Ладьѣ навстрѣчу ночь плыветъ.
«Скорѣй!» изъ сумрака зоветъ
Пѣвучій колоколъ. Поклонъ
Въ отвѣтъ призыву Мисселонъ.

И вотъ желанныя мѣста.
Въ тѣни отъ чернаго моста
Судно къ уступу пристаетъ.
Чу—снова колоколъ поетъ,
Поетъ, какъ съ паперти слѣпецъ.
Пора... «До полночи, гребецъ!»—

II.

Заткало мглою черный мостъ.
Вступаетъ рыцарь на погостъ—
Межъ плитъ, змѣистою тропой,
Идетъ увѣренной стопой,
Идетъ къ могильному холму,
Гдѣ спитъ все милое ему.

Послѣдній шагъ—берэтъ долой,
Букетъ— на холмъ, какъ на палой,
Гитара, другъ тоски людской,
Взята рѣшительной рукой...
Аккордъ—и рыцарь, полнъ огня,
Поетъ, колѣни преклоня:

«Привѣтъ тебѣ, привѣтъ изъ мѣстъ,
Гдѣ ты несла нелегкій крестъ
И гдѣ усталъ носить вѣнецъ
Осиротѣлый твой пѣвецъ,
Осиротѣлый твой женихъ,
Съ людьми живущій—не для нихъ!

Клянусь, въ завѣтный этотъ часъ:
Любовь какъ встарь связуетъ насъ;
Она крѣпка, она чиста,
Какъ узы, снятыя съ Христа,—
О вѣчный свѣтъ моихъ очей,
О добрый духъ моихъ ночей!»—

Допѣлъ. Послѣдній замеръ звукъ.
Гитара выпала изъ рукъ.
Чело склонилось до земли...
И, растопившись, потекли
Отъ сердца, жаркаго какъ горнъ,
Двѣ струйки свѣтлыя на дернъ.

III.

День въ Реймсѣ кончился. Темно.
Дворы позаперты давно.
Въ изгибахъ улицъ ни души.
Лишь на окраинѣ, въ глуши,
Видны фигуры кое-какъ
Ползущихъ до дому гулякъ.

Вдругъ появляется дозоръ—
Тяжелый ратманъ-ревизоръ
Да, съ алебардой у плеча,
Три инвалида-усача,—
И почивающій кварталъ
Сквозь сонъ предчувствуетъ скандалъ.

Ба—въ самомъ дѣлѣ: топотъ, гамъ...
Кого-то выловили тамъ,
Кого-то нудятъ стать на свѣтъ—
Быть можетъ, вѣдьму нѣжныхъ лѣтъ...
Увы, не то: въ концѣ концовъ
Конфузитъ плѣнникъ молодцовъ—

И шумъ стихаетъ. И едва
Потомъ доносятся слова:
— Персона!—Эдакій Улиссъ! —
— Ну, больше нѣтъ ему Алисъ!—
— Да, да,—подъ вывѣскою „Слонъ“.—
— Ужь точно—«рыцарь» Мисселонъ!—

Межъ тѣмъ бьетъ полночь. На рѣкѣ,
Въ туманѣ, будто въ молокѣ,
Ладья колышется. Въ ней ждутъ.
И полунощникъ—тутъ-какъ-тутъ:
Съ уступа кошкой прыгъ къ рулю—
«Ну, живо! Плащъ съ плеча сулю!»—

IV.

Изсякъ скандалъ: и ночь нѣма,
И стражу валитъ съ ногъ дрема;
Но утромъ леткая молва
Спѣшитъ вступить въ свои права:
Взбалмутить долженъ Мисселопъ
Чуть ни ребятъ безъ панталонъ.

Тутъ было все, чѣмъ красенъ миѳъ:
И винный чадъ, и женскій лифъ,
И карты съ дракой, и дуэль;
И каждый ахалъ: неужель?!
И всѣ трезвонили, журясь:
Вѣдь это срамъ! Вѣдь это грязь!

И тѣ же рѣчи тѣ-жь врали
На он-полъ, въ лѣсъ, перенесли,
Гдѣ на скалѣ, среди колоннъ,
Поетъ и грезитъ Мисселонъ, —
Но въ замкѣ чопорнымъ гостямъ
Онъ на себя плететъ и самъ:

«О да—я хищенъ, я жестокъ;
Я радъ сорвать и смять цвѣтокъ;
Я такъ люблю, я такъ привыкъ!» —
И общепризнанный ярлыкъ—
Распутный рыцарь—день спустя
Къ нему прицѣпленъ нешутя.

«*Распутный рыцарь*... Хе-хе-хе!
Хоть отчеканивай въ стихѣ!» —
Свое же дѣтище любя,
Смѣются реймсцы про себя:
«Гуляй же съ мѣткой до сѣдинъ,
Высокородный паладинъ!» —

V.

И кличка-мѣтка удалась;
Къ пѣвцу изъ замка привилась
И стала именемъ его,
Довольно вѣскимъ для того,
Чтобъ на полсотни лье окрестъ
Смущать вдовицъ, пугать невѣстъ.

Съ тѣхъ поръ спокоенъ Мисселонъ:
Онъ можетъ выйти на поклонъ
Могилѣ счастья, въ поздній часъ,
Не опасаясь подлыхъ глазъ,
И обнажить, не прячась вдаль,
Свою любовь, свою печаль;

Съ тѣхъ поръ, чѣмъ злѣй его клеймятъ,
Тѣмъ вдохновеннѣе гремятъ
Густыя струны, тѣмъ нѣжнѣй
Стихи, поющіе о *ней* —
О ней, чье имя пьютъ, какъ медъ,
Уста, холодныя какъ ледъ.

«Алиса, милая краса!»
Поетъ онъ, глядя въ небеса:
«Великъ, богатъ мой бѣлый свѣтъ—
Въ немъ дѣвамъ-розамъ счету нѣтъ,
Но розамъ тѣмъ затмить не смочь
Алису, булочника дочь!

Онѣ цвѣтутъ—любой бутонъ
Украсить могъ бы царскій тронъ
И тронуть ангеловъ въ раю,—
Но душу темную мою
Плѣнять и мертвой, какъ живой,
Алисѣ, травкѣ полевой!» —

VI.

Бѣжали дни и шли года –
Онъ не забылъ того слѣда,
Который тайно межъ могилъ
Давно впервые проложилъ,
И разъ на немъ, въ урочный часъ,
Спѣлъ стансъ послѣдній—и угасъ.

Его нашли, когда заря
Зажглась, кладбище озаря,
На безымянномъ бугоркѣ—
Съ гитарой вѣрною въ рукѣ,
Съ букетомъ вянущимъ въ другой,
Съ обломкомъ шпаги подъ ногой.

И вновь, какъ встарь, заахалъ людъ,
Клеймя усопшаго за блудъ,
За кутежи и за стихи,
И папа оные грѣхи
Велѣлъ искусникамъ рѣзца
Вписать въ надгробіе пѣвца.

*

Онъ умеръ, спитъ. Среди полей
Его богатый мавзолей
Лежитъ столѣтья на боку.
Но все хранитъ одну строку
Гербомъ украшенный пилонъ:
«Распутный рыцарь Мисселонъ».

* * *

Вновь замутила мечты,
Вновь безъ укоровъ коритъ:
Все про цвѣты, про цвѣты,
Ночь напролетъ говоритъ.—

«То-то, цвѣты-то! Втемнѣ
Думки о нихъ не таи!—
Женщины это, онѣ,
Женщины, розы твои!

Были онѣ хороши;
Ты ароматъ ихъ впивалъ,
Ты красоту ихъ души
По лепестку обрывалъ!»—

Больно! Умолкни, змѣя!
Сердца тоской не пои!..
Женщины, мука моя,
Женщины, розы мои!...

* * *

Дѣвичій взглядъ,
Смѣхъ молодой,—
Это мнѣ кладъ,
Кладъ золотой.

Лучъ или звукъ—
Все я ловлю;
Сердце тукъ-тукъ:
«Вѣрю! Люблю!»

Счастью не быть—
Поздно... Такъ что-жь!
Хочется пить
Сладкую ложь.

Случай мнѣ данъ—
Пью, и зову
Явный обманъ
Сномъ наяву.

ПѢСНЯ
О БАЙДѢ-КАЗАКѢ.

Крѣпко запилъ Байда, Байда:
Пьетъ горилку—такъ, для хмелю,—
Пьетъ съ утра до поздней ночи,
Пьетъ не день, не два—недѣлю.

Всѣмъ про пьянство, пьянство Байды,
Всѣмъ извѣстно—всей округѣ,
И дивуются на Байду
Всѣ—и недруги и други.

«Ой-ты, Байда, Байда-парень!
Что байдуешь, молодчина?
Что за мука мучитъ Байду,
Что за туга—за кручина?» —

—«Ой-вы, люди, добры-люди!
Не посмѣйтесь: Богъ накажетъ!—
Спросъ вашъ къ пану вы несите—
Онъ вамъ скажетъ, коль уважитъ» ..

Видитъ лайды, лайды Байды,
Видитъ панъ, гроза крестьянства,—
И смѣется лишь—смѣется,
Переждавъ „седмицу пьянства“:

«Полно, Байда, не байдуй ты!
Брось шинокъ, ко мнѣ пожалуй:
Дочка Ганна псовъ потѣшить
Хочетъ хамской кровью алой».—

—«Шутишь-брешешь, пане, пане!
Знаетъ Байда, что, на горе,
Дочка панская томится
—Вотъ недѣля ужь—въ затворѣ;

Знаетъ мóлодецъ, что помнитъ,
Помнитъ сердце панской дочки,
Какъ слетало къ сердцу Байды
Въ панскій садъ средь майской ночки!»—

Похвалился Байда, Байда,
Похвалившись, спохватился—

Спохватился, какъ ужь волѣй,
Вольной долей поплатился.

Взяли Байду, Байду съ бою,
Заковали Байду въ цѣпи,
Заковали, приковали
У хоромъ, къ надежной крѣпи.

Приступили злые каты,
Каты панскіе, къ казаку,—
Приступили, стали Байду
Бить батожьемъ, какъ собаку.

Былъ наказъ, наказъ имъ панскій
(И они-ль тому не рады!)—
Постараться такъ, чтобъ Байда
Волкомъ взвылъ, прося пощады.

Ну, и принялися каты,
Каты лютые, за дѣло—
Вмигъ отъ палокъ ихъ у Байды
Окровянилося тѣло.

Но молчитъ, молчитъ сердека—
Ни вздохнетъ, ни охнетъ... «Дѣти!
Онъ откроетъ ротъ—дружнѣй лишь
Принимайтесь вы за плети!».

Отозвались каты, каты:
«Воля пана—воля Божья!»—
И пошли плетьми работать,
Исщепивъ свои батожья.

Бьютъ и бьютъ и хлещутъ-хлещутъ
Цѣлый день, безъ перестану,
Бьютъ, стараются, потѣютъ,
Угождаютъ каты пану.

Но опять отъ Байды, Байды
Ни словечка и ни звука—
Терпитъ Байда... И увидѣлъ
Панъ, что съ Байдой катамъ мука.

И услышалъ панъ отъ катовъ,
Вопль отъ катовъ о пощадѣ:
«Пощади насъ, добрый пане!
Отпусти насъ, Бога ради!»

Плюнулъ панъ.—«Ой, хамы, хамы!
Какъ вы стали нынче слабы!
Кормишь васъ, а вы—что тряпки;
Палачи—и тѣ какъ бабы!»

И спросилъ у Байды правды,
Панъ у Байды, молвивъ тихо:

«Ой, признайся—что молчалъ ты,
Терпя эдакое лихо?»

Отвѣчаетъ Байда пану,
Пану доброму, но чести:
«Я затѣмъ молчалъ, чтобъ паннѣ
Не подать о Байдѣ вѣсти;

Чтобъ не знала панна Ганна,
Какъ въ грязи онъ тутъ валялся;
Чтобъ въ мечтахъ ей этотъ Байда
Прежнимъ Байдой представлялся».—

Тутъ шатнуло Байду, Байду,
И свалило, будто тушу,
И свалило съ ногъ—и тотчасъ
Отдалъ Байда Богу душу.

Вздрогнулъ панъ.—«Поди, гляди ты!
Хлопъ, а рыцарскаго нрава!
И, пожалуй, дворянину
Зятемъ быть имѣлъ онъ право».

И промолвилъ панъ сердито,
Грозно панъ промолвилъ катамъ:
«Убирайтесь! Расходитесь
По своимъ проклятымъ хатамъ!

Заказнить бы, сжечь васъ надо,
Сжечь васъ, каты-кроволивы:
Былъ одинъ, кого-бъ любилъ я,—
И того не сберегли вы!»...

*

Спитъ въ могилѣ Байда, Байда;
Не проснется онъ, не встанетъ;
Панна-жь Ганна ждетъ казака,
Ждетъ—и ждать не перестанетъ:

Вѣдь отъ панны скрыто, скрыто
Злое дѣло; вѣдь какъ прежде
Прежній милый образъ Байды
Жизнь даетъ ея надеждѣ...

ВЪ КОНЦЕРТѢ.

Какъ ножъ насильника, безтрепетный смычокъ
Приблизился, и легъ на грудь віолончели,
И впился въ нервы струнъ... Невидимый толчокъ—
И струны въ ужасѣ запѣли.

И замерла душа... И ноющій бемоль
Укоромъ въ ней прошелъ и взрылъ ея глубины...
Какъ родственна ей струнъ невѣдомая боль,
Какъ близокъ стонъ ихъ голубиный!

* * *

Холодно сердцу! Очи надменныя
Смотрятъ неласково-сумрачно-строго;
Отклики дѣланно-недоумѣнные,
Ранятъ, пугаютъ, гонятъ съ порога.

Но, красотою вновь очарованный,
Все я у входа стою богомольно—
Жду милосердія, жду, какъ прикованный...
Холодно сердцу!.. Холодно, больно!..

ТРОЕ.

Три дѣвицы, три юницы,
Шли селомъ тремя путями—
И сошлися у крыницы,
Надъ которой, что рубины,
Рдѣли ягоды рябины,
Вися тяжкими кистями.

И одна такое слово,
Снявши гроздку, обронила:
«Такъ-то губы у милóва,
Губы сочныя, алѣли...
Съ той поры онѣ истлѣли,
Какъ его я схоронила!»

И промолвила другая:
«Такъ коралловъ да гранатовъ
Рдѣла низка дорогая,
Посулённая мнѣ съ пылу...
Пану-ль, дурню, вѣдать было,
Что отъ Гриця жду я сватовъ?»

Третья вскинула глазами
На подругъ и на гроздинку,
Да и залилась слезами:
«Такъ мнѣ хустку кровь изъ груди
Краситъ-алитъ... Гдѣ тѣ люди,
Что пригрѣютъ сиротинку?!» —

Опершись на коромысла,
Призадумались всѣ трое,
Словно туча вдругъ нависла
Надъ душой ихъ черной сѣнью,
Холодѣющею тѣнью
Лица блѣдныя имъ кроя.

Брелъ тутъ мимо старецъ сивый
И кивнулъ онъ имъ — и впростѣ
Молвилъ, будто юродивый:
«То-то, счастье!.. Знай, кто схватитъ:
Съ той разсталось, къ этой катитъ,
Третью сыщетъ—на погостѣ!»...

* * *

Мнѣ случай помнится.—
Въ исходѣ бѣлой ночи
Изнеможенная столица засыпала.
Я шелъ по улицѣ. Заря глядѣла въ очи.
Досада страдная отъ сердца отступала.
И было полное безлюдье предо мною.
Лишь блѣдный юноша стоялъ у тротуара;
Онъ былъ, казалося, подавленъ тишиною,
Онъ ждалъ какъ-будто бы привѣта иль удара.
И вдругъ насупротивъ, въ окнѣ полуоткрытомъ,
Головка русая мелькнула. Въ то мгновенье
На блѣдномъ юношѣ, не вовсе позабытомъ,
Почило, можетъ быть, любви благословенье:
Онъ вздрогнулъ радостно, онъ къ шляпѣ прикоснулся,
Онъ зарумянился... еще минута мимо—
И домъ насупротивъ, бездушный домъ, проснулся:
Тамъ пѣлъ, и ликовалъ, и млѣлъ рояль незримый.

Головка русая—о ней среди дороги
Едва-ль мнѣ думалось. Но сразу, помню, вяло
Пошелъ я далѣе. Подкашивались ноги,
И чувство странное вернуться соблазняло.
И я не выдержалъ...
Въ какомъ-то любострастьѣ,
Уже разстроенный, спѣшилъ я къ мѣсту встрѣчи
Съ чужою радостью: тамъ, чудилось мнѣ, счастье
Въ окнѣ распахнутомъ ведетъ со счастьемъ рѣчи.
Пустыней улица лежала предо мною.
Заря янтарная заглядывала сбоку
Въ лицо мнѣ. Зданія шеренгою сплошною
Шли мимо, чуждыя внимательному оку.
И вотъ—желанное... Но я нашелъ немного:
Какъ звѣрь озлившійся, отъ дома удалялся
Знакомый юноша; вслѣдъ юношѣ съ порога
Привратникъ заспанный глядѣлъ и ухмылялся.
А изъ-за спущенной недавно занавѣски
Потоки бурные запутанныхъ созвучій
Неслись... То—словно бы въ отвѣтъ на вызовъ рѣзкій—
И плакалъ, и грозилъ, и звалъ рояль ревучій.

РОМАНСЫ ДОНЪ-ЖУАНА.

I.

Любовь—моя душа. Я живъ—пока люблю,
Пока и кровь, и мозгъ, и сердце жарки страстью;
И лишь за этотъ жаръ я жизнь благословлю,
И только страсть изживъ—я смерть приму какъ счастье.

Пускай шипитъ за мной ехидна-клевета,
Пускай мнѣ адъ сулитъ мораль—змѣя вторая,—
Онъ мой, цвѣтокъ любви! *Всѣ* формы, *всѣ* цвѣта,
Всѣ запахи его постигну я, сгарая!

II.

Вамъ, о музы вдохновенныхъ, вамъ, о геніи творящихъ,
Вамъ любовь и поклоненье душъ, восторгами горящихъ!
Все прекрасное въ природѣ, все плѣнительное въ мірѣ,
Зародившееся въ сердцѣ и сказавшееся въ лирѣ,—
Все отъ васъ, отъ васъ, о дѣвы, все, о жены, ваше, ваше,
И ни солнце не сильнѣй васъ и ни звѣзды васъ не краше,
И единый Богъ безвѣстный вамъ соперникъ недостойный—
Тамъ, гдѣ нѣтъ живого ока, чтобъ узрѣть вашъ образъ знойный!.

III.

Конченъ, конченъ рѣзвый день,
Конченъ, конченъ трезвый пиръ —
Наплываетъ ночи тѣнь,
Закрываетъ очи міръ.

Каждый, каждый страсть гасíтъ—
Каждый, каждый лучъ и тонъ;
Часъ бѣгущій—онъ грозитъ,
Гласъ зовущій— мучитъ онъ!

Дэйте-жь, дайте мнѣ любви,
Дайте, дайте счастья мнѣ! —
Утолите жаръ въ крови,
Утопите стыдъ въ винѣ!...

IV.

Была минута изступленья,
Она прошла — и пылъ погасъ:
Мои заклятья и моленья
Вотще преслѣдовали Васъ.

Молчитъ желаніе сліянья,
Надежды дерзкой замеръ гласъ.
Надолго-ль? — Бойтесь обаянья
Природы Вашей каждый часъ!

V.

Вы видѣли мои безумныя страданья,
Страдали сами—и молчали;
Но сердцу обѣщалъ возможность обладанья
Вашъ взоръ, исполненный печали.
И сердце вѣрило прочтенному обѣту
И ждало счастья—и дождалось:
У сердца Вашего оно, на зависть свѣту,
Небесно, райски наслаждалось!
Вы подарили мнѣ сладчайшее мгновенье;
И это сердце Вамъ клянется—
Пока живетъ оно, холодное забвенье
Того мгновенья не коснется:
Неповторимое, оно подобно чуду;
Оно одно весны мнѣ краше;
Имъ осчастливленный, имъ жить безъ Васъ я буду,
Лелѣя въ сердцѣ имя Ваше!

VI.

Разлука... Молвите: такъ надо?
Разрывъ... Скажите: навсегда?
Къ кому уйдетъ моя отрада?
Кому блеснетъ моя звѣзда?...

Разбито сердце, пылъ погашенъ;
Вамъ не грозитъ мятежъ любви...
О, если рокъ Вамъ злой не страшенъ —
Господь Васъ въ путь благослови!

ПѢСНЯ.

Полюбила меня, молодца,
Полюбила боярская дочь,
Полонила, тайкомъ отъ отца,
На одну на весеннюю ночь.

А и ночь-то пришлась коротка,
А и страхъ былъ сильнѣй, чѣмъ любовь:
Улетѣлъ я, ушелъ изъ силка,
Осрамилъ молодецкую кровь!

Отъ обиды, отъ гнѣва-стыда,
Заперлася краса на замокъ—
Не прокладывать вновь мнѣ слѣда
Подъ дубовый ея теремокъ!..

Ахъ-ты, свѣтъ мой, зазноба-душа!
Хоть въ окно покажи мнѣ лицо,
На дорогѣ, къ вечернѣ спѣша,
Пророни мимоходомъ словцо!

Не услышитъ—хоть грянь тутъ гроза...
Вспоминать мнѣ, въ опалѣ, какъ сонъ,
Голубые, что небо, глаза,
Говорокъ, что серебряный звонъ;

Тосковать у чужого двора—
Изводиться, въ безсонную ночь,
Да искать головѣ топора
За красу—за боярскую дочь!..

ПОДРОСТОКЪ.

Ни дочка, ни внучка...
Въ постельку легла;
Холеная ручка
Меня привлекла.

Укрылъ шаловницу.
«Ну, спи! не балуй!»...
Глядитъ на божницу,
Зоветъ: «поцѣлуй!»

Ни внучка, ни дочка...
Цѣлую разокъ...
Румянится щечка,
Косится глазокъ;

На губкахъ — улыбка;
А сердце... Поди,
Горитъ оно, рыбка,
Въ невинной груди —

Горитъ, не сгарая,
Горитъ, не паля,
Какъ-будто играя,
Какъ-будто шаля...

Спи ночь: недалечко
Заря и денекъ...
Святое сердечко,
Святой огонекъ!...

СКАЗКА.

Далеко, за синими морями,
Есть волшебный замокъ царь-дѣвицы.
Злой Кащей съ семью богатырями
Стережетъ покой отроковицы.

Чуть заря — глядитъ она въ оконце
И, лелѣя сладостныя грёзы,
Ждетъ чего-то... И, блестя на солнцѣ,
Каплютъ мѣрно ей на перси слезы...

Кто ей скажетъ, какъ, въ тоскѣ по счастью,
Рвется къ ней одинъ безумецъ юный,
Какъ рыдаютъ, движимыя страстью,
Струны гуслей, вѣрныя ей струны?!...

ВЪ РУСАЛОЧЬЮ НОЧЬ.

За млинами, за ставами,
Далеко отъ селъ,
Въ часъ урочный, въ часъ полночный,
Диво видѣлъ Псёлъ:

Въ полусвѣтѣ—въ полумракѣ
— Призрачно бѣла—
Звѣздоокая русалка
Въ заводи всплыла,
Подъ нависшую вѣтвину
Скрылась тотъ же часъ
И запѣла—и печаленъ
Былъ молящій гласъ.—

«Разомкнитесь, разомчитесь
Въ разные концы,
Непривѣтливыя тучки,
Вольные гонцы!
Ворожебными лучами
Въ грудь земли ударь,

Ясноликій, свѣтозарный
Мѣсяцъ-государь!

«Есть край-поля хатка съ грядкой —
Освѣти ее:
Въ ней, давно когда-то, было
Гнѣздышко мое!
Есть другая—возлѣ гая,—
Брось ей лучъ въ окно:
Смертный грѣхъ мой добрымъ людямъ
Выдало оно!

«Къ гаю полемъ есть тропинка—
Сѣй тамъ безъ числа
Божьи стрѣлы: ею плодъ мой
Я губить несла!
Есть рябинка на тропинкѣ —
Свей ты ей вѣнокъ:
Тамъ достался псамъ голоднымъ
Бѣдный мой сынокъ!

«А за гаемъ—черный омутъ,—
Скуй на немъ твой мостъ:
Тамъ кладбище душъ бездольныхъ,
Тамъ и мой погостъ!
О-бокъ съ омутомъ—и заросль,—
Весь въ нее пади:
Къ ней снесло меня волнами,
Въ ней мнѣ гробъ найди!!»

За млинами, за ставами,
Далеко отъ селъ,
Въ часъ полночный гласъ источный
Слышалъ темный Псёлъ:

«Разомкнитесь, разомчитесь
Въ разные концы,
Непривѣтливыя тучки,
Вольные гонцы!
Ворожебными лучами
Въ грудь земли ударь,
Ясноликій, свѣтозарный
Мѣсяцъ-государь!»...

I.

Одна родная мнѣ душа,
Одно мнѣ близкое созданье, —
И жизнь, безпутное блужданье,
Какъ сновидѣнье хороша:

Меня ласкаютъ небеса,
Мнѣ улыбается природа,
И тонетъ въ счастіи невзгода,
И злоба таетъ какъ роса.

II.

Хочется пѣть и молиться,
Хочется плакать, смѣяться,
Съ каждымъ дыханіемъ слиться,
Съ каждымъ твореньемъ обняться;

Хочется найденнымъ счастьемъ
Всюду похвастаться — всюду,
Гдѣ-бъ только, съ теплымъ участьемъ,
Люди повѣрили чуду!

III.

Сердце безъ гнѣва, безъ тѣни душа, –
Ты какъ цвѣтокъ хороша!
Юное тѣло, горячая кровь,—
Счастье твоя мнѣ любовь!

Тихая дума въ глубокихъ очахъ—
Сладко тонуть въ ихъ лучахъ!
Рѣчи изъ устъ—вѣтерокъ луговой,—
Въ нѣгѣ и въ мукѣ я твой!

IV.

Разбѣжались тучи,
Засмѣялось солнце,—
Заглянула радость
И въ мое оконце;

Къ сердцу что-то сладкой
Прилило волною...
Подойди, блаженство
Раздѣли со мною!

* * *

Бывало время, бывали годы—
И я носилъ
Въ душѣ, влюбленной въ огни природы,
Избытокъ силъ.

Прошло то время, прошли тѣ годы,
Какъ сонъ, какъ тѣнь,
Какъ съ горъ по нивамъ проходятъ воды
Въ весенній день.

Настало время, настали годы—
Я изнемогъ;
Мнѣ все щедрѣе даритъ невзгоды
Любовь, мой богъ.

ДУМКА.

Какъ на горы, горы Жегули,
На крутыя горы, на зеленыя,
На разсвѣтѣ вѣроны слеталися,
Вкругъ ли дуба, дуба вѣкового,
Съ высоты глядѣвшаго на Волгу,
На шелкѣовой муравѣ садились.

А садившись, они такъ ли набольшихъ
— Стариковъ маститыихъ,—
Не чинясь, тревожно вопрошали:

«Вы скажите, братцы-большаки,
Вы скажите намъ, чего для-ради
Спозаранку подняли вы нынче
По всему набережью тревогу?
Моръ ли коситъ табуны калмыцкіе?
Аль осина жида уродила?
Али Сѣчь насѣяла намъ ляха?»

Какъ въ отвѣтъ имъ, хмурые-понурые,
Отзывались большаки маститые,
Отзывались глухо, будто черезъ силу:

«Гой-вы, други, милы вы товарищи!
Гой-вы, братцы-свѣты, кровь родная!

Моръ не коситъ табуновъ калмыцкіихъ,
Сѣчь полякомъ нивъ не засѣвала
И никто жидомъ осины не поганилъ,—
А приспѣло время думушку намъ думати.
Вы послушайте, что скажутъ
Гости съ Дона, съ тихаго ли Дона».

Какъ впередъ тутъ гости необычные
— Тѣ ли гости съ Дона—выступали,
Таковы ли рѣчи говорили:

«Гой вы, радѣльцы, честна́я громада!
Шлетъ поклонъ вамъ и вашему краю
И великой вашей Волгѣ-матушкѣ,
Наше братство шлетъ вольнолюбивое,
И зеленый край нашъ—степь широкая,
И лазурный тихій Донъ нашъ, батюшка!
А и съ нашимъ съ низкіимъ поклономъ
Вы примите, честна́я громада,
Вы примите да такую вѣсть.—

Какъ у насъ-атъ на Дону на тихомъ,
Въ томъ ли славномъ, доблестномъ казачествѣ,
Заводились души тамъ холопскія,
Заводились прихвостни Московскіе:
И онѣ ли, подлыя тѣ души,
Учинили, сытости ихъ ради
Да Москвѣ въ угоду,
Злое дѣло батьки ихъ Іуды:

Захватили, да не съ бою — хитростью,
Той ли черной хитростью-обманомъ,
И не смерда, чужака безвѣстнаго, —
Своего-жь казака именитаго,
Доброхота царскаго,
Недруга боярскаго, —
Захватили, взяли, заковали,
Будто вора, въ цѣпи, да и выдали
Воеводамъ лютымъ стрѣлецкимъ».—

То сказавши, птицы замолчали,
Замолчавъ, на зорюшку поглядѣли:
А и зорюшка та была мутна,
А мутна была да невесела,
Будто вдовушка-молодушка,
Подъ фатой сокрывшая щеки блѣдныя.

Ни единъ во стаѣ не шевѣльнулся,
Ни единъ въ несчетной не шорóхнулся.

Какъ опять тутъ старцы-большаки,
Вѣстовыхъ смѣнивши, взговорили,
Только взговорили —
Словно затрубили:

«Злое дѣло! И того ли дѣла
Не поправить!.. Нѣтъ ужь, — нагулялся,
Налетался по родной сторонушкѣ
Вольный витязь, сердце удалóе;

Ждетъ чужбина добраго казака,
Ждетъ чужая воля золотая—
Что въ застѣнкѣ кована колода,
А на мѣстѣ лобномъ плаха новая,
А на той ли плахѣ вострая сѣкира!..

Ой-ты доля, ты лихая участь—
Прочь отъ тѣла бѣлы руки-ноженьки,
На двѣ части богатырская грудь,
Что кровавый мячъ—буйная головушка,—
Да кому-жь ты, горькая, судилась
И кому ты, клятая, пришлася?!—
А тому ли грозному повольничку,
А тому ли чудо-атаманушкѣ,
Что Степану, братики, Тимофеевичу,
Самому ли, свѣтики,
Стенькѣ Разину!!»—

Какъ одинъ тутъ во́роны всполо́хнулись,
Какъ одинъ, взлетаючи, зыкомъ зыкнули.

Выходило тутъ и солнце красное,
Разрывались туманы ползучіе,
Озарялось Поволжье раздольное—
И пошелъ тутъ кликъ по поднѣбесью,
Что хвалитный кликъ да благовѣстный:

«Гой-ты, мати, земля святорусская,
Святорусская земля подкабальная!

А и знай ты, многотерпѣливая,—
Не попуститъ Богъ премилосердый
Вѣковать тебѣ во безправіи,
Пропадать твоему народишку
Безъ казацкой долюшки— безъ волюшки:
День настанетъ — тое-ль барство сломится,
Часъ приспѣетъ —рабство похоронится,
Будетъ всякій самъ себѣ владыка,
Будетъ всякій да всякому равенъ,—
Гой, и выйдетъ все тутъ по-Стенькиному
По его ли по желанному!» —

«Славься, славься, удалой казакъ!
Исполать тебѣ, атаманушка,
Что умѣлъ гулять-богатырствовать,
Замышлять дѣла молодецкія,
Да умѣлъ же и страсти терпѣть—
Несказа́нныя страсти ажь до́ смерти!
А что есть на тебѣ прегрѣшенія —
Тому Богъ судья!»...

* * *

Я-бъ разбилъ о порогъ золотую псалтирь
И сомкнулъ бы уста и остался бы нѣмъ—
Еслибъ зналъ, что иной, несравнимый ни съ кѣмъ,
Выйдетъ съ вѣчнымъ стихомъ на родимую ширь
И, читая судьбы въ сочетаньяхъ свѣтилъ,
Пѣсню—артосъ души—безкорыстно раздастъ
Всѣмъ, кого на пути геній жизни взрастилъ,
Всѣмъ, кому по любви вдохновенный фантастъ.
Вѣдь была же пора—пѣлъ, какъ онъ только могъ,
Своенравный какъ вихрь, львиногривый пѣвецъ,
Покорявшій сердца... Но преступный свинецъ
Струны сердца его пережегъ!

Я сломалъ бы мой мечъ, мой клинокъ боевой,
И отъ вражьихъ знаменъ взоръ горячій отвелъ—
Еслибъ зналъ, что на нихъ лучшій грянетъ орелъ.
Громы мщенья неся надъ своей головой,
И станицы орлятъ за собой увлечетъ
За Уралъ, за Байкалъ, на святыя поля,
Гдѣ на кости отцовъ кровь сыновъ потечетъ,
Чтобы смыть твой позоръ, о родная земля!
Вѣдь леталъ же герой Туркестанскихъ песковъ,
Вѣдь леталъ онъ, въ огнѣ, по Балканскимъ снѣгамъ...
Но, довѣрясь змѣѣ, палъ, на радость врагамъ,
Бѣлый идолъ влюбленныхъ полковъ!

Я-бъ корону съ себя снялъ, торжественнымъ днемъ,
И сложилъ бы къ ногамъ своего же раба—
Еслибъ зналъ, что странѣ-полуміру судьба
Полубога-царя уготовила въ немъ,
Въ немъ, въ одномъ, совмѣстивъ красоту и закалъ
Благороднѣйшихъ душъ и звончайшихъ сердецъ,
Чтобъ у трона его поникалъ и смолкалъ
Всякій гордый и злой, всякій недругъ и льстецъ.
Вѣдь видалъ же народъ—пахарь сѣверныхъ зонъ—
Самодержца, предъ кѣмъ все склонялось вокругъ,
Укротителя бурь... Но сильнѣй былъ недугъ,
Но угасъ вѣнценосный Самсонъ!

Я-бъ и самую жизнь вразъ, какъ мотъ, расточилъ,
Всѣ посулы ея, всѣ задатки презрѣвъ,—
Еслибъ зналъ, что зато міроправящій Гнѣвъ,
Кто неправо на насъ небеса ополчилъ,
Передвинетъ грозу въ зарубежную мглу
И обрушитъ ударъ на гнѣздо кровопійцъ,
Гдѣ убійца куетъ вѣроломства стрѣлу,
Гдѣ о братствѣ поетъ подсылатель убійцъ.
Вѣдь казненный палачъ—высшей правды символъ,
Высшей правды тріумфъ—жизнь достойнымъ вѣнца...
Но—судьба не за насъ... Померкай до конца
Нашей славы былой ореолъ!..

---

*
* *

Прекрасны рожденные прекрасными женами,
Для нѣги изысканной теплично вскормленные:
Пройдутъ они тѣнями, умрутъ, утоленные,
Огнями закатными, вечерними звонами.

Прекраснѣй безродные, какъ звѣри—зачатые,
Какъ плевелы—взросшіе, суровые странники:
Удѣлъ ихъ—страданіе,—но это избранники,
Но это подвижники, Христы нераспятые!

* * *

Навсегда отлученная, навсегда и вездѣ позабытая,
Изъ предѣловъ оплаканныхъ отлетала душа безглагольная,
И за нею, невинною, животворной лазурью омытая,
Въ облакахъ, какъ келейница, затворялась земля богомольная.

И печалію горькою напоила разлука изгнанницу,
И печалью горчайшею созерцанье питало нѣмотное,
И свѣтила далекія равнодушно глядѣли на странницу,
И сопутникомъ не было ни одно ей творенье безплотное.

И пустынѣ эфирною понеслася она, неутѣшная,
Понеслась, безпріютная, понеслась въ безпредѣльность исконную,
И картины завѣтныя рисовала тамъ память ей грѣшная,
И тоска по утраченномъ бередила мечту беззаконную.

Не отрадой, но казнію та мечта ей была безразсудная,
И ни тѣни забвенія ни на мигъ не легло надъ сироткою,
И нигдѣ въ безконечности не явилось ей То Правосудное,
Чья любовь легендарная улыбнулась ей жизнью короткою...

I.

Не пойму я тебя—не пойму, хоть люблю:
Чуть я обликъ измѣнчивый твой уловлю,
Чуть въ умѣ закрѣплю дорогія черты—
Во мгновеніе ока измѣнишься ты.

Вотъ—ты ангелъ, съ сіяніемъ райскимъ въ очахъ,—
Слышу—руки твои у меня на плечахъ;
Вотъ—какъ яркій колибри порхнула ты прочь
И кружишь,—услѣдить за тобой мнѣ не вмочь.

Вотъ—опять ты со мной: обвилась вкругъ меня,
Мнѣ змѣиною ласкою грудь леденя;
Вотъ—въ уста мнѣ, вампиръ, ты впилась, замерла,
Жжешь,—глаза одѣваетъ мнѣ пьяная мгла.

Ты колдунья. Но, душу твою полюбя,
Я бы душу свою положилъ за тебя;
Приказала-бъ идти ты на смерть мнѣ: авось,
Хоть на томъ бы тебя мнѣ понять удалось!...

II.

Снова ночь... снова бредъ... снова пиръ: ты да я...
Лучшихъ грезъ порвалась безпорочная низь...
О сирена моя, о царица моя!
Ты горишь, ты зовешь... Образумься, очнись!

Поцѣлуи твои слаще винъ и медовъ,
Отъ улыбки твоей льются въ душу лучи,
И въ объятьяхъ твоихъ міръ забыть я готовъ,
Но призывъ, но соблазнъ... Перестань, замолчи!

Ты поешь-говоришь про любовь—про змѣю.
Золотой у тебя колокольчикъ въ груди,
Да погубитъ, погубитъ онъ душу мою,
А съ моей и твою... Пожалѣй, отойди!

День придетъ, часъ пробьетъ—будетъ смерть мнѣ мила.
Что мнѣ въ жизни?—Да я-жь расчищаю твой путь,
Чтобъ легко по нему феей къ трону ты шла...
Рабъ я твой. Брось раба! Разлюби, позабудь!...

III.

Ты какъ грѣхъ хороша. И люблю я тебя
Всею страстью моей, всею мыслью моей!
Пусть больная душа погибаетъ, любя,—
Колебанья невѣдомы ей!

Для любви я живу—отъ любви я умру.
Ты меня не жалѣй—изнуряй, истощай:
Пей - доколѣ съ виномъ твой бокалъ на пиру,
Опустѣетъ—разбить обѣщай!

Я безуменъ?—О, да! Но безумье любви
Озаряетъ мнѣ міръ изъ конца и въ конецъ;
Отъ него мой экстазъ—это пламя въ крови,
Отъ него эта пѣснь—мой вѣнецъ!

Въ немъ мой рокъ. И пока не измѣнитъ оно—
Не измѣнитъ очамъ ореолъ красоты
И всего, что тебѣ съ красотою дано,
Чѣмъ какъ грѣхъ обаятельна ты.

Не жалѣй же меня въ безудержной гульбѣ:
До конца допивай чашу данныхъ мнѣ силъ!
До конца—если ихъ и остатокъ тебѣ
Какъ вино драгоцѣнное милъ!

IV.

Я любилъ и какъ ангелъ, любилъ и какъ звѣрь,—
Но донынѣ тобою душа не сыта!
Ненасытности этой виной и теперь
Не мое безразсудство,—твоя красота.

Въ чемъ она—не сказать мнѣ: во взглядѣ-ль очей,
Лучезарныхъ, какъ звѣзды въ полуночный часъ?
Или въ звукѣ безсвязныхъ, но ясныхъ рѣчей,
Отъ которыхъ горѣлъ я, и таялъ, и гасъ?

Въ колыханіи-ль груди, сквозь газъ голубой
Будто розовый мраморъ сверкающей мнѣ?
Въ переливахъ волосъ ли, гурьбой вперебой
Набѣжавшихъ на плечи волна по волнѣ?

Или въ ритмѣ движеній, которымъ не льстецъ—
Безпокойный завистникъ хвалу пропоетъ?
Въ обаяніи-ль страсти твоей, наконецъ,
Чью природу любовь мнѣ понять не даетъ?...

Пусть кто хочетъ порочитъ твою красоту—
Отъ нея не уйти мнѣ: я цѣпью къ тебѣ,
Цѣпью муки прикованъ! За муку за ту
Не укоръ,—благодарность тебѣ и судьбѣ!

СТИХЪ
О ЛАСЪ-КАЗАСѢ, ЕПИСКОПѢ.

Сорокъ лѣтъ какъ конченъ споръ;
Край во власти бѣлыхъ націй;
Дикаря конквистадоръ
Окрестилъ въ соку плантацій.

И обузданный дикарь
Сталъ—какъ волъ: въ ярмѣ культуры
Прежній жрецъ и бывшій царь
Лѣзутъ ревностно изъ шкуры—

Особливо въ рудникахъ,
Особливо изъ-подъ плети...
Что́ имъ цѣпи на ногахъ,
Если рядомъ—жены, дѣти!

Гнетъ ихъ голодъ, мнетъ болѣзнь,
Давитъ судъ въ заморскомъ вкусѣ,—
Впрочемъ, слухъ имъ нѣжитъ пѣснь
О сладчайшемъ Іисусѣ!..

И недаромъ потъ и кровь
Лилъ покорно рабъ безгласный:
За любовь къ нему любовь
Возымѣлъ вдругъ нѣкто властный.

Былъ тотъ нѣкто—пастырь массъ
(Да не вымолвится мимо
Это имя!)—Ласъ-Казасъ,
Ласъ-Казасъ, надежда Рима.

Самъ какъ булка бѣлотѣлъ,
Онъ, омытый въ райскихъ рѣкахъ,
Образъ Божій разглядѣлъ
Въ мѣднокрасныхъ человѣкахъ

И въ замѣну оныхъ чадъ
Надоумилъ бѣлокожихъ...
Негровъ выписать въ свой адъ—
Тварей, съ дьяволами схожихъ!—

Слава благостнымъ сердцамъ,
Слава папскому парнассу—
Католическимъ отцамъ
И красѣ ихъ—Ласъ-Казасу!

ПОЭТУ.

Въ далекую страну мечта тебя уноситъ:
Тамъ море теплое, тамъ горы до небесъ,
Тамъ травы какъ цвѣты—и ихъ никто не коситъ,
Тамъ птицы чудныя—чуднѣе всѣхъ чудесъ;
Тамъ въ свѣтѣ вѣчныхъ зорь не старѣетъ природа,
И жизни лозунгъ тамъ единственный—«живи!»
И всюду красота, и всюду тамъ свобода,
И пиръ и творчество и музыка любви;
У ногъ маститыхъ пальмъ ручей кристально-звонкій,
Подъ папоротникомъ залегшая змѣя,
И камень, вросшій въ прахъ, и лучъ, и вихорь гонкій,
И все тамъ—райская согласная семья.

Отрадно созерцать нездѣшнія картины
И сладко чувствовать иного солнца свѣтъ,
Но это только сонъ: изъ липкой паутины
Тебя дѣйствительность не выпуститъ, поэтъ!
Нѣтъ, скуку сѣрыхъ дней, въ чаду сплошной торговли,
Средь стѣнъ, воздвигнутыхъ на гноищѣ гробовъ,
Подъ копотью небесъ, подъ мертвой сѣнью кровли,—
Дѣли со скопищемъ тупыхъ ея рабовъ;

Вдыхай зловредный смрадъ и впитывай заразу
Гнѣздилищъ сумрачныхъ, гдѣ воли—не проси,
И самъ ихъ отравляй, и съ чувствомъ, для показу,
Ихъ роскошь мнимую порой превозноси,
И втайнѣ жди—когда изъ каторжнаго круга
Поманитъ розами (увы, лишь въ краткомъ снѣ!)
И выведетъ тебя мечта, твоя подруга,
Въ предѣлы свѣтлые—къ невянущей веснѣ.

Зато, едва на мигъ душа освободится
Отъ общей пошлости, страданье затая,—
Какой тріумфъ тебѣ, и какъ вознаградится
И какъ насытится фантазія твоя!
И сколько мудрыхъ сагъ и пѣсенъ вдохновенныхъ
Изъ міра высшаго, для счастія людей,
Въ сердечныхъ тайникахъ, въ глубинахъ сокровенныхъ,
Въ юдоль ты вынесешь, счастливый чародѣй!

Благословенъ твой вѣкъ! Живи, томись и стражди,
На рокъ не сѣтуя, одинъ—какъ Божество:
Пускай предѣла нѣтъ твоей священной жаждѣ—
Чѣмъ горше горести, тѣмъ слаще торжество!

* * *

Бываютъ дни: душа скорбитъ,
Томится сердце злой тоскою;
Ты общей ложью съ толку сбитъ,
Подавленъ пошлостью людскою;
Холодный ядъ разлитъ въ крови,
Въ оцѣпенѣньѣ мозгъ усталый;
Ты ждешь... не сладкихъ словъ любви —
Напѣвовъ ласки запоздалой.

Слова любви — хотя-бъ они
Желаньямъ сердца отвѣчали —
Лелѣя слухъ, въ такіе дни
Не утолятъ твоей печали;
Но, прогремѣвъ тогда въ тиши,
Живое слово страстной злобы
И побѣдить недугъ души
И обновить тебя могло бы.

И, точно сжалясь надъ тобой,
Вдругъ съ устъ врага оно сорвется —
И будто горнею трубой
Мертвецъ духовный воззовется
Для жизни, полной буйныхъ грезъ,
И золотыхъ очарованій,
И трудныхъ битвъ, и тайныхъ слезъ,
И лучезарныхъ упованій...

1.

Въ кругу дѣтей иль старцевъ среброкудрыхъ
Любовь и трудъ благослови:
Въ котлѣ труда и въ пламени любви
(Скажи) варятся блага мудрыхъ.

2.

Есть любовь-стремленье,
Любовь-обладанье.
Въ первой —преступленье,
Въ другой—оправданье.

3.

Есть одно необычайное
Наслажденье безъ страданія—
Совершенствованье тайное
Вдохновеннаго созданія.

4.

Ужь эти критики! То́ дико имъ, то́ грязно;
Имъ, свѣтлымъ рыцарямъ указки и хлыста,
Гляди прекрасное изъ каждаго куста
И брызжи нравственность изъ каждаго соблазна.
Отвѣть имъ: творчество какъ міръ разнообразно,
Прибавь: поэзія какъ истина проста.

5.

Сердца въ словѣ отраженье: въ ритмѣ пульсъ, и въ тонѣ чувство,—
Это поэзія, это искусство!
Краснорѣчіе разсудка, орнаменты, политура, —
Это все только литература.

---

* * *

Предѣлъ небесъ—предѣлъ моихъ мечтаній.
По всѣмъ путямъ, какъ вѣщая комета,
Ношусь душой, рожденной для скитаній,—
И всѣмъ мірамъ привѣтъ изъ устъ поэта.

И всѣхъ міровъ тепломъ живоначальнымъ
Согрѣтъ мой стихъ—потреба поколѣній,
И пусть земля—въ грядущемъ—гробъ печальный,—
Предѣлъ временъ—предѣлъ моихъ стремленій.

* * *

Меня простятъ, хотя я тяжко грѣшенъ,
Хоть праздныя уста кругомъ благовѣстятъ,
Какъ мерзокъ я и какъ на зло поспѣшенъ,—
Меня простятъ!

Меня простятъ—затѣмъ что міръ не тѣсенъ,
Затѣмъ что красота и молодость не мстятъ,—
За жаръ въ крови, за даръ любви и пѣсенъ
Меня простятъ.

* * *

Есть рѣчи: тихія, онѣ,
Какъ шипъ змѣи, полны коварства;
То — миѳъ о райской сторонѣ,
То ложь про солнечное царство,
Гдѣ не властна надъ жизнью смерть,
Гдѣ въявѣ Бога видятъ взоры,
Гдѣ, потрясая гимномъ твердь,
Не молкнутъ ангельскіе хоры.
Такія рѣчи для души—
Для мысли — сонная отрава:
Ты ихъ, услышавъ, заглуши;
Скажи: я *здѣсь* имѣю право
И наслаждаться и страдать,
И самъ, у смертнаго порога,
Свое безсмертье созидать
И совершенствоваться въ бога!

Но есть глаголы: какъ гроза,
Къ тебѣ порой они ворвутся —
И ты встрепещешь, какъ лоза,
И болью въ сердцѣ отзовутся
Ихъ звуки вѣщіе: въ нихъ гнѣвъ
На разумъ, вѣрящій обманамъ,
И ранитъ душу ихъ напѣвъ
И не дастъ закрыться ранамъ.
Такихъ глаголовъ не страшись —
Лови ихъ чуткимъ, вѣрнымъ слухомъ,
И удержи — и не лишись
Мечты, внушенной высшимъ духомъ:
Неистощимая вовѣкъ,
Въ ней сила творческая скрыта,—
Съ ней—богомъ будешь, человѣкъ,
Питомецъ низменнаго быта!

* * *

Не спрашивай себя, вѣрна-ль твоя дорога
И правъ ли геній твой, идущій напроломъ:
Дерзай! твой каждый шагъ—священная тревога,
И каждый гнѣвный крикъ—возвышенный псаломъ.
Дерзай! Не для тебя законы и сомнѣнья:
Законы—для рабовъ, сомнѣнья—для дѣтей;
Ихъ право—«здравый смыслъ» трудить до затемнѣнья,
Твой долгъ—творить по прихоти страстей.
Ты—свѣтъ забрежжившаго вѣка,
И не посмѣетъ міръ судить тебя. Какъ богъ
Неистовствуй, титанъ, во славу человѣка,
Который все позналъ, прозрѣлъ и превозмогъ!

Да, косная толпа—прожорливое стадо—
Не разъ, услышишь ты, застонетъ подъ грозой,—
Пускай. Не пожалѣй раздавленнаго гада,
Не тронься сгоряча животною слезой!
Что жизнь толпы?—конвульсіи піавокъ,
Ея дыханье—смрадный паръ...
Разбей, испепели алтарь ея—прилавокъ,
И по вѣтру развѣй ея «товаръ»!
Земля и небеса, какъ вѣчность, для немногихъ—
Для тѣхъ, чье сердце—какъ очагъ,
Для тѣхъ, чей врагъ одинъ—ничтожество у ногъ ихъ,
Для тѣхъ, чья жизнь—гроза, и дерзость—каждый шагъ!

* * *

На вопросъ ища отвѣта,
Довѣряйся лишь уму:
Только онъ внесетъ лучъ свѣта
Въ испытуемую тьму.

Но въ одномъ вопросѣ, кровномъ,
Ты безпомощенъ: живи,
Не мудря, въ пылу любовномъ,
Надъ загадкою любви!

*
* *

Измѣна? — терзайся, лей слезы,
Но смерти, въ припадкѣ тоски, не зови:
Тоска претворяется въ грезы,
А грезы—въ надежды... Живи!

Любовь называютъ химерой;
Но любишь — надежды храни и копи!
Надежды становятся вѣрой,
А вѣра — блаженствомъ... Терпи!

* * *

Взгрустнется порою и сладко и больно,
Потянетъ въ иные края,
Повѣетъ забвеньемъ,—и грезамъ невольно
Душа отдается моя.
И кто-то безплотный меня покрываетъ
Какъ сумерки легкой фатой,
И чудо свершается: тихо всплываетъ
Подъ нею миражъ золотой.

Мнѣ снятся руины въ пустынѣ, у взморья,
Сверкающій солнцемъ заливъ,
И Альповъ туманныхъ крутыя предгорья,
И мертвыя купы оливъ;
И снится мнѣ чайка надъ водною гладью,
Межъ камней гніющая снасть,
И кущъ павилики, нависнувшій прядью
Надъ аркой, готовой упасть;
И снится еще—средь небеснаго луга,
Высоко, вся въ яркомъ огнѣ,
Усталая тучка, плывущая съ юга
На сѣверъ, на сѣверъ—ко мнѣ.

И вдругъ—пробужденье: вмигъ небо остыло,
Погасъ подтропическій свѣтъ,
Исчезло видѣнье... И сердце уныло
Сожмется, какъ сорванный цвѣтъ.
И новая мною печаль овладѣетъ,
Вновь грезамъ я волю даю,—
И кто-то иную дремоту навѣетъ
На темную душу мою.

И снится мнѣ—снится полярное море,
И небо полярной звѣзды,
И въ небѣ, надъ моремъ, сполошныя зори,
И въ морѣ хрустальные льды;
И снится на волѣ мнѣ вѣтеръ крутливый,
И волны на полномъ бѣгу,
И черная пропасть, и слѣдъ сиротливый
На бѣломъ какъ саванъ снѣгу.
И долго мнѣ чудное снится мгновенье;
Я вѣчности въ немъ отдаюсь
И, весь созерцанье, вкушаю забвенье,
И смерть предвкушать не боюсь.

* * *

Сердце, въ свободу и солнце влюбленное,
Сѣверной вьюжной тоской окрыленное,
Вдаль порывается страстно—
Въ край, гдѣ, склонясь голубыми заливами
На берегъ, спящій внизу, подъ оливами,
Знойное море такъ властно,
Такъ прихотливо играетъ умѣлыми,
Дерзостно-смѣлыми
Стаями лодокъ—
Лодокъ-лебедокъ,
На неоглядной равнинѣ безбурной
Въ дымкѣ янтарно-лазурной
Ярко сверкающихъ крыльями бѣлыми...

ПѢСНЯ.

Ахъ, весна моя цвѣла
Не безсмертными цвѣтами —
Всѣ ихъ буря сорвала!
Подъ безумными мечтами
Жизнь итоги подвела!

Поздно каяться: стезя
Не свернетъ съ конца къ началу...
Новой бурею грозя,
Гонитъ жизнь меня къ причалу,
Гдѣ мечтать уже нельзя.

LES MARINES.

I.

Угрюмая сосна надъ дюною скрипитъ;
Подмытый монолитъ сползаетъ по откосу;
Лѣнивая волна шатаетъ и кропитъ
Разбитое судно, уткнувшееся въ косу.

Рыбалка, утомясь, садится на песокъ;
Понѣжиться дельфинъ всплываетъ въ мылѣ шумномъ,
А солнце—разошлось и сердца лучшій сокъ
На безмятежный міръ въ экстазѣ льетъ безумномъ.

II.

Зеленая волна на отмель набѣгаетъ—
Шипя, пузырится, какъ мыло, буйный гребень;
Взбѣжала, хлюпнула, расплюснулась широко—
Цокъ-цокъ—зарокоталъ на скатѣ мелкій щебень.

Сливается назадъ... А море воздвигаетъ
Другую, между тѣмъ, громаду ей на смѣну:
Вонъ тяжко катится! Вонъ-вонъ, пугая око,
Вздымаетъ и трясетъ клокочущую пѣну!

III.

Пустынно море. Ночь невозмутима.
Подъ силуэтомъ кедра-нелюдима
Дымится бухта. Дюны за губой
Уходятъ цѣпью въ сумракъ голубой.

За тучкой мѣсяцъ—свѣтъ сочится скудно;
Но мрѣетъ пѣна бѣлая, и чудно
На желтомъ скатѣ черная плита
Зеленоватымъ блескомъ облита.

IV.

Черныя орды на скалы бѣгутъ—
Вой, и рычанье, и пѣнье, и гудъ;
Гривы и груди, мечи и щиты
Кровью и пѣной и мглой облиты.

Близко... пригнулись... И грянули вразъ:
Громомъ и гуломъ отвѣтилъ Кавказъ,
Пластъ налетѣвшій разсыпался въ дождь—
Новому машетъ гарцующій вождь.

V.

Портъ спитъ въ полуденномъ жару.
Широкій рейдъ пестрѣетъ флагами.
По голубому серебру
Играетъ золото зигзагами;

За цѣпью, склады сторожа,
Матросъ застылъ у стѣнки каменной,
Гоньбою вольнаго стрижа
Любуясь съ завистію пламенной;

На горизонтъ ушли дымки,
Бѣжавъ съ высотъ, гдѣ солнце сочное
Размыло-бъ ихъ,— и какъ тонки
Въ лазури ихъ слѣды непрочные!

VI.

Буря. Вѣтеръ воетъ зычно.
Море въ берегъ вороной
Неустанно, методично
Какъ тараномъ бьетъ волной.

И буруны комья пѣны,
Какъ плевки, издалека—
Изъ-подъ скалъ—бросаютъ въ стѣны
Инвалида-маяка.

Но молчитъ онъ: мхомъ и плѣснью
Весь недаромъ онъ обросъ!—
А надъ нимъ съ хвалебной пѣснью
Вьется сильный альбатросъ.

VII.

Позднимъ свѣтомъ озаренныя,
Въ нѣжной дымкѣ растворенныя,
Горы синія, лиловыя, вдали,
Будто небомъ покоренныя,
Млѣя, въ небо отъ земли
Какъ видѣнья уплыли.

И печально море чудное,
Голубое, изумрудное,
Къ отвалившимся утесамъ прилегло,—
И его дыханье трудное,
Замирая, такъ тепло
Обвѣваетъ имъ чело.

VIII.

Подъ бугромъ молочной пѣны
Кто-то гнѣвный шевелится,
Напрягая нервно члены,
Чтобы вскочить и навалиться
На утесы, какъ на стѣны
Вражьей крѣпости... Со страхомъ
Ждешь мгновенья нападенья:
Разлетится пѣна прахомъ—
Кто-то всѣ нагроможденья
Сокрушитъ единымъ взмахомъ!

ПѢСНЯ ГАРМОНИСТКИ.

Я цыганкою родилась,
И цыганкой я живу:
Все кочую—днемъ и ночью,
И во снѣ и наяву.

Сладко спать—гулять по степи!
Сонъ—не сонъ!.. Да день—не ночь:
Глянетъ въ очи—вмигъ очнешься,
За гармонику—и прочь!

Съ наръ—на камни... по задворкамъ...
Но судьба еще добра!..
Эй, молодки! не нужна ли
Вамъ цыганская игра?

Не нужна-ль забава сердцу
Во полуденный часокъ?
Я сыграю—будетъ плакать
Каждый звонкій голосокъ.

Будетъ плакать-надрываться
Съ этимъ сердцемъ заодно;
Кто не любитъ слезъ цыганскихъ—
Затвори пока окно:

Не отъ тѣхъ, кто знать не хочетъ
Про сиротство и пужду,
Подаянья иль хоть только
Слова ласкова я жду.

Мнѣ даянье — пропитанье,
Ласка — счастіе мое,
И глубоко, на прощанье,
Поклонюсь я за нее!

И глубоко вѣчнымъ кладомъ
Въ душу, полную тоской,
Ляжетъ память о былой мнѣ
Справедливости людской.

Съ этой памятью приду я
Вновь къ завѣтному двору:
Я цыганкою родилась,
Я цыганкой и умру!

*
* *

Я кончилъ тайную молитву,
Допилъ вино и чашу сжегъ,—
Аминь! Къ тебѣ иду на жнитву
Съ серпомъ любви, мой высшій богъ!

Хочу подъ милыми перстами
Упасть, какъ макъ межъ колосковъ,
Благоговѣйными устами
Коснувшись дѣвственныхъ сосковъ!

* * *

Тебя любить, тебя ласкать,
Тебѣ служить, тобой гордиться
И лишь тебѣ рукоплескать,
Иного счастья не искать,
Иному богу не трудиться,—
Вотъ все, что въ мірѣ мнѣ дано,
Вотъ все, чѣмъ жизнь моя прекрасна;
Но сердце до-сыта полно,
Полно! И счастья хоть зерно
Еще давать ему—напрасно!

ПѢСНИ ЦЫГАНКИ.

I.

Мнѣ сегодня (лишь сегодня!)
Свѣтитъ ясная заря,
Въ Божьемъ небѣ пламенѣя
И въ очахъ твоихъ горя.

Завтра мнѣ не видѣть свѣта:
Мститъ за счастіе судьба!—
Ахъ, сегодня (лишь сегодня!)
Я царица, не раба!

II.

Милый! не смѣйся, если заплачу:
Слезы—не слово, слезы не лгутъ.
Ложь я трачу, правду я прячу—
Онѣ равно мнѣ сердце жгутъ!

Но и на слезы нѣтъ мнѣ минутки...
Прочь ихъ! Каскадомъ брошу теперь
Прибаутки, пѣсенки-шутки!—
Желанный, слушай!.. Но—не вѣрь!

* * *

Какъ на звѣздочку на ясную,
На тебя гляжу съ тоской,
Ручку бѣлую, атласную,
Глажу робкою рукой.

Въ мысляхъ что-то рѣетъ-носится,
Тайна сердца сердце жжетъ,
На уста признанье просится,
Молвлю слово—слово лжетъ.

Помоги мнѣ!... Но, безгласная,
Ты отводишь грустный взглядъ;
Дрогнувъ, ручонка атласная
Тихо крадется назадъ.

Бурно грудь твоя колышется...
Упованья не спасти,
И на память не услышится
Даже горькаго «прости»!...

* * *

О Матерь Божія! Измученный любовью,
Я вновь, безпомощный, стою передъ Тобой!
Взгляни: хладѣя, здѣсь исходитъ сердце кровью,
Душа исходитъ здѣсь послѣднею мольбой.

Мольбой не о себѣ. Подставивъ грудь злословью,
Я все перетерплю въ бореніи съ судьбой;
Но та, кому служу,—къ ея ли изголовью
Допустится молвы разнузданный прибой?

Ея спокойствіе—мое благополучье.
Любвеобильная! Ты знаешь, отчего
Мольбы съ проклятьями сливаются въ созвучье:

Не медли съ милостью—укрой ее отъ взоровъ
Святошъ и постниковъ, отъ стрѣлъ ихъ приговоровъ,—
И да пребудетъ съ ней свѣтъ Сына Твоего!

* * *

Есть волшебный край.
Вѣчно—руна говоритъ—
Ночь весенняя, святая,
Въ томъ краю царитъ.

Есть волшебный садъ.
Вѣчно въ немъ на млечный цвѣтъ
Заколдованныхъ черемухъ
Льется лунный свѣтъ.

Есть волшебный ключъ.
Вѣчно спитъ у водъ его
Чародѣй, хранитель клада—
Счастья твоего.

* * *

Болѣй одинъ печалью отчужденья,
Одинъ воздѣлывай пустыню
Въ своей груди;
Тебѣ даютъ минуту наслажденья—
Возьми ее, какъ милостыню,
И уходи.

Тѣ, кто съ тобой досугомъ подѣлился,
Потомъ приложатъ, въ часъ лукавый,
Печать къ дверямъ,
Въ которыхъ ты восторженно молился,
Откуда видѣлъ Бога славы
Завѣтный храмъ.

29 АВГ. 1906 Г.

Итакъ, ударилъ часъ: испивъ изъ чаши доли,
Желанная моя, невѣста, умерла!..
И мнѣ бы умереть... На что мнѣ жизнь?—На то ли,
Чтобъ молча совмѣщать въ душѣ, рабѣ юдоли,
Съ безсильемъ червяка стремленія орла?!..
«Жди пытки!» шепчетъ мнѣ тоска, владыка міра.
И что-жь,—будь грудь моя закована въ броню—
Все сердцу не спастись отъ этого вампира:
Вѣдь я же созвалъ васъ, о други, не для пира,
Вѣдь я же часть себя сегодня хороню!..

Ахъ, юность!.. Хороша, какъ май, какъ свѣтъ Ѳавора,
Душой она была какъ лилія чиста
И сердцемъ мнѣ вѣрна—вѣрна безъ договора;
Ни въ чемъ и никогда недобраго укора
Ей бросить не могли правдивыя уста.
Ей, милой, жить бы, жить... Но рокъ судилъ иное:
Едва пропѣвъ свой гимнъ сіяющему дню,
Она въ его лучахъ, въ его палящемъ зноѣ
—Смотрите—смерть нашла... Все счастіе земное
Въ лицѣ усопшей я сегодня хороню!...

Раскрытъ обманъ надеждъ... Сказавъ «прости» невѣстѣ,
И имъ «прости» скажу, хоть жизнь безъ нихъ грустнѣй:
Онѣ всходили съ ней, онѣ цвѣли съ ней вмѣстѣ —
Такъ пусть же и въ гробу, гдѣ нѣтъ ни лжи, ни лести,
Отнынѣ навсегда почіютъ вмѣстѣ съ ней!
Я сиръ—пусть буду нищъ... Все, чѣмъ богатъ я,— слезы
(О! ихъ не осушить сердечному огню!),
Да пѣсни о былomъ, да траурныя грезы,
Да ранней осени зловѣщія угрозы;
Весна же... я ее сегодня хороню!..

Была—и нѣтъ ея... Преклонимся-жь—и праху
Надгробную хвалу согласно пропоемъ,
И выпьемъ за него, и объ полъ, какъ о плаху,
Всѣ разомъ, о друзья, въ знакъ горести, съ размаху
Опорожненные бокалы разобьемъ!
Аминь! Да расцвѣтутъ иныя поколѣнья
— Дай Богъ!—не такъ, какъ я, увядшій на корню!
Да пощадитъ судьба ихъ силы и стремленья,
Чтобъ жизнь имъ хоронить по дню, безъ сожалѣнья,—
Не такъ, какъ юность я сегодня хороню!!..

ДОБРЫЕ ДУХИ.

Духи свѣтлыхъ упованій,
Духи чистыхъ порываній,
Духи скорби неземной,
Неземныхъ переживаній,
Неземныхъ очарованій,
Озаренные луной,
Въ часъ ночной,
Бурно мчатся надо мной.

Нѣтъ имъ счета, нѣтъ имъ мѣры,
Нѣтъ преграды имъ въ пути.
Слышу пѣснь ихъ: «Мы химеры,
Съ нами счастья не найти,—
Но безъ страха
Прочь отъ праха
Сердцемъ, полнымъ юной вѣры,
Вслѣдъ за нами ты лети,—
О, лети,
Братъ нашъ милый во плоти!

Что намъ міръ! Онъ рабъ гордыни,
Онъ ничтоженъ, хоть великъ;

Край развѣнчанной святыни,
Онъ подобенъ сталъ пустынѣ,—
Въ немъ ли нынѣ
Идеала узримъ ликъ?..

Будь достоинъ откровенья,
Знай: въ иной мы край летимъ—
Въ край молчанья и забвенья,
И въ пути отдохновенья
И мгновенья не хотимъ.
Откажись отъ вдохновенья—
И летимъ!»—

Льются звуки, льются, вьются,
Въ сердце бьются;
Сердце каждою струной
Отзывается невольно,—
Сердцу тяжко, сердцу больно:
Ни души кругомъ родной;
Только роемъ бурно, вольно,
Озаренные луной,
Въ міръ иной
Духи мчатся надо мной...

* * *

Все тоньше, тоньше и все бѣднѣе цвѣта палитры
Во мглѣ, безъ свѣта;
Все тише, тише, все безнадежнѣй рыдаютъ цитры...
Нестало лѣта!

Сгустивъ туманы, послѣдній холодъ въ объятьяхъ грубо
Сжимаетъ рощи —
Съ послѣдней жаждой вампиръ голодный цѣлуетъ въ губы
Живыя мощи!

*
* *

Весна цвѣла, весна благоухала,
Богъ юныхъ ликовалъ, трубя въ побѣдный рогъ;
Я рвался въ міръ—подъ вѣтки-опахала,
Подъ бѣлый дождь цвѣтовъ... но встать, увы, не могъ.

Катились дни... и вдругъ свершилось диво:
Недугъ перегорѣлъ... Спѣшу украдкой въ садъ—
Гдѣ-жь милый май? Онъ снился мнѣ такъ живо!...
Тутъ хаосъ, тутъ развалъ, тутъ смерть!.. Назадъ, назадъ!!..

ОКТЯБРЬ.

I.

Желтый, зеленый, багряный....
Въ медленномъ вихрѣ идешь,
Думая вяло, какъ пьяный:
Нуженъ ли этотъ падёжъ?

Желтый, зеленый, багряный...
Шепчутъ: «Пойми! пожалѣй!» —
Холодно западъ румяный
Смотритъ въ прорѣхи аллей.

II.

Крутятся, въ паникѣ, листья измятые.
Тѣшатся листьями вихри проклятые,
Тѣшатся, дразнятъ ихъ памятной былью,
Къ чернымъ вершинамъ взметая ихъ съ пылью.

Злобствуютъ вихри. А вѣтви холодныя
Имъ отбиваютъ поклоны безплодные—
Все за дѣтей, за своихъ и сосѣднихъ,—
И, содрагаясь, теряютъ послѣднихъ...

СНѢЖИНКИ.

Пляшутъ и вьются безумно снѣжинки пушистыя,
Пляшутъ и вьются—и немощно падаютъ въ грязь...
Падаютъ души кристальныя, нѣжныя, чистыя,
Падаютъ съ неба—и губитъ ихъ дольная связь.

Жертвы прекрасны—блеснетъ колея оснѣженная;
Жертвы безгрѣшны—лучъ солнца ихъ небу вернетъ,
Вскроется мерзость... И, свѣтомъ любви обнаженная,
Ложная святость дыханіемъ гада дохнетъ...

* * *

Въ сіяньѣ полночи, серебряной и синей,
Одинъ, подъ звѣздами, стою среди снѣговъ.
Кругомъ молчаніе. Деревья сѣютъ иней.
Жгучъ воздухъ. Дремлется. Въ глазахъ ни формъ, ни линій:
Міръ — море мертвое безъ волнъ и береговъ.

Душа сливается съ душой пустыни скудной.
Мечты теряются въ безбрежности. Я нѣмъ.
Я полнъ невѣдомымъ и чуждымъ жизни трудной...
Но что-то вспомнилось — и нѣтъ минуты чудной,
И тѣло вздрогнуло. Иду... Куда? зачѣмъ?...

РОДНОЕ.

I.

Бездна темносиняя...
Звѣздъ упорный блескъ...
Искристаго инея
Судорожный трескъ...

Вѣтокъ сонъ и млѣніе...
Тѣней ихъ игра...
Стуки въ отдаленіи
Вора-топора...

Дымное дыханіе...
Стынущая кровь...
Жизни потуханіе...
Мигъ—и вспышка вновь...

II.

Солнце лучезарное...
Тихій-тихій день:
Облачко янтарное
Тронуть вѣтру лѣнь...

Звонкіе бубенчики...
Сани всѣ въ рѣзьбѣ...
Мысли—будто птенчики
Въ первой ихъ гоньбѣ...

Паръ съ коня нарядnаго...
Крѣпнущій морозъ...
Друга ненагляднаго
Щеки ярче розъ...

*
* *

Въ послѣдній разъ щипнетъ морозецъ,
Въ послѣдній разъ черезъ порогъ
Вкатится стужа между ногъ,
А тамъ—печальныхъ мyроносицъ
Внезапно, радостенъ и строгъ,
Возвеселитъ воскресшій Богъ.

* * *

Душа раскрылася навстрѣчу звукамъ вешнимъ,
И струны чуткія имъ робко отозвались,
И откликъ внутренній слился съ призывомъ внѣшнимъ,
И грезы вспомнились о счастіи нездѣшнемъ,
И слезы пролились... И тучи разорвались—
И солнце ясное надежды позабытой
Блеснуло радостно въ душѣ моей раскрытой...

* * *

И вотъ я здѣсь. Счастливый случай,
Въ чередъ слѣпой своей игры,
Привелъ скитальца, въ полдень жгучій,
На верхъ апостольской горы.
Съ нея — изъ центра побережій —
Гляжу въ просторъ передъ собой. —
Какая роскошь! Вѣтеръ свѣжій,
И Днѣпръ жемчужно-голубой,
Любимецъ сумрачнаго Понта;
И въ блескѣ южномъ небеса,
И за чертою горизонта
Дубравы мутной полоса;
Свѣтло змѣящіеся плесы,
И отраженья облаковъ,
И зеленѣющія косы
Полузалитыхъ островковъ;

И профиль берега гористый,
И садъ, ползующій съ крутизны,
И этотъ грохотъ серебристый
Пѣвца украинской весны,
И все, и все, – не наважденье,
Не сновидѣнье наяву, —
Живая правда! Вновь рожденье,
Вновь медомъ жизни я живу:
Одно прекрасное мнѣ видно,
Лишь музыкальнымъ полонъ слухъ,
За жертвы въ прошломъ не обидно,
Грядущимъ – радуется духъ.

Блаженствуй, сердце! Мигъ умчится,
Какъ эта чайка, дочь полей,
Но быль его не разлучится
Съ плѣненной памятью твоей!

* * *

Я посѣтилъ завѣтный край;
Тотъ край—моя роскошная Украйна,
Гдѣ думно по горамъ шумитъ зеленый гай,
Гдѣ надъ «могилами» въ степяхъ витаетъ тайна.
Тамъ занялась моя заря,
Тамъ васильки я рвалъ въ пшеницѣ,
Тамъ плакалъ подъ напѣвъ слѣпого кобзаря,
И къ «хлопцамъ» ревновалъ «дѣвчатъ» на вечерницѣ;
Тамъ вольный Днѣпръ, въ лиманъ валы гоня,
Кружилъ мнѣ голову сверкающимъ разливомъ,
И пьяный май опаивалъ меня
Своимъ чудеснымъ пивомъ.
Туда еще хотѣлъ бы я
Перелетѣть въ предсмертную годину:
Пускай бы тамъ печаль-тоска моя
Легла навѣки въ домовину.

ВЕЧЕРЪ.

День умеръ. Отсіялъ на плѣсени затоновъ
Янтарь—двойникъ зари. Улегся вѣтерокъ,
Съ послѣдней теплотой послѣднихъ полутоновъ
Наплывшій въ сонный хуторокъ.

Подъ тучкой, на холмѣ, въ пятно слились обличья
Березъ и вѣтряковъ. Мракъ сплавилъ даль и близь.
Въ эѳирѣ, для земли, исполненной величья,
Лампады звѣздныя зажглись.

Міръ—снова Божій храмъ... Дохнувъ надъ зыбью жизни,
Смири ее, о ночь! и всѣмъ, кто смятъ грозой
Угаснувшаго дня, на раны щедро брызни
Твоей цѣлебною росой.

---

* * *

За темной тканью сонныхъ вербъ,
Надъ зеркаломъ пруда,
Гдѣ тонетъ въ тинѣ лунный серпъ,
Горитъ моя звѣзда.

Недаромъ тайная печаль
Вела меня сюда:
Отсюда видимѣе даль,
Родимѣе звѣзда...

* * *

Тихая, теплая, лунная ночь.
Тихое, теплое чувство въ груди.
Думы о прошломъ отхлынули прочь.
Нѣтъ и гаданій: что тамъ, впереди?

Все въ настоящемъ... О другъ дорогой!
Въ эти часы я тобою живу,
Благословляемъ твоею рукой
Въ воображеньѣ—какъ-бы наяву!..

СТЕПНЫЕ ОЧЕРКИ.

I

Ясна лазурь, прозрачны воды,
Просторъ заманчиво-широкъ,
На жизнерадостные всходы
Сплываетъ робко вѣтерокъ.

И какъ напѣвъ тройной свирѣли,
Въ теплѣ, на землю, съ вышины
Кристальнымъ звономъ льются трели
Воздушныхъ первенцевъ весны.

II.

Заря на небѣ—и въ болотѣ,
Румяный дымъ—и тамъ и тутъ,
Гнилыя кочки въ позолотѣ,
И пни соцвѣтьями цвѣтутъ.

Ни звука въ воздухѣ покойномъ,
Ни листъ не дрогнетъ... Пышетъ свѣтъ—
И такъ хорошъ на фонѣ знойномъ
Летящей цапли силуэтъ!

III. МАРЕВО.

Далеко-далеко — розовѣющій лѣсъ;
Въ золотыхъ берегахъ—голубая рѣка;
Надъ рѣкой, на краю раскаленныхъ небесъ,
Какъ снѣга на горахъ,— вороха-облака.

Льется воздухъ степной, какъ текучій хрусталь,—
Переливы рябятъ, какъ отара въ пыли.
Утомляется взоръ, углубляется даль...
Уплываетъ миражъ за предѣлы земли.

IV.

Опять вдоль балки пыльный шляхъ,
Опять зеленая «могила»,
И острый духъ отары на поляхъ,
И клектъ орла, степного старожила;

А видъ возницы... Вотъ гдѣ крѣпь
Невозмутимаго терпѣнья!
Скучна, какъ смерть, недѣвственная степь —
Онъ знай: но-но! — порода телепенья!..

V. ЧАЙКИ.

Какъ духи, вокругъ таратайки
Снуютъ неотвязныя чайки,
Вьюнами, у самой земли,
Ныряютъ въ лиловой пыли—
Ныряютъ, всплываютъ и тонутъ,—
И стонутъ, и стонутъ, и стонутъ.

Заря, обезсилѣвъ, не свѣтитъ,
И звѣздами неба не мѣтитъ
Въ глубь степи идущая ночь, –
Онѣ не уносятся прочь—
Онѣ безсердечнаго тронутъ:
Все стонутъ, и стонутъ, и стонутъ.

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

I.

Тишь... Томленье... Разложенье...
Зноемъ пышутъ небеса...
Облака въ изнеможеньѣ
Опустили паруса...
Воздухъ, полный пыли тонкой,
Все живое сномъ облекъ...
Надъ цвѣточною коронкой
Замеръ легкій мотылекъ...
Въ зноѣ дня не изнывая,
Только бисерный фонтанъ
Все хлопочетъ, омывая
Спящей нимфы голый станъ...

II.

Стала—двинуться не хочетъ,
Дышитъ судорожно туча,
Смотритъ искоса на солнце,
Ждетъ. И что-то въ ней клокочетъ
И кипитъ, ей брюхо пуча.

Ждетъ... И вдругъ, не выждавъ мига,
Напряглася и зѣвнула,—
И померкнувшее солнце,
Какъ разбитый кузовъ брига,
Въ темной пасти потонуло...

III.

Быть грозѣ: тяжелой цѣпью,
Отъ зари багровы сбоку,
Тучи тянутся къ востоку;
Чайки мечутся надъ степью;
Вѣтеръ гнетъ къ водѣ осоку;
Дымкой кроются овраги;
Душный воздухъ пахнетъ прѣлью...
Жди стихійной передряги
И, какъ пахарь послѣ браги,
Будь готовъ еще къ похмелью!

IV.

Гроза идетъ. Семья березъ
Трепещетъ каждой вѣтвью бѣлой
И, наклонясь къ землѣ замшѣлой,
На долю плачется безъ слезъ.

Но, какъ суровый часовой,
Подъ дымомъ тучъ, гонимыхъ мимо,
Высокій дубъ невозмутимо
Стоитъ съ поднятой головой.

V.

Тучи за тучами бѣшенно гонятся,
Тучи на тучи, валясь, громоздятся:
Демоны-громы въ тѣснинахъ хоронятся,
Молніи-змѣи въ провалахъ гнѣздятся.

День омраченный въ смертельной агоніи,
Міръ онѣмѣлый въ конвульсіяхъ дикихъ...
Бури насилье,—грозы беззаконіе
Выльется въ хаосъ крушеній великихъ.

VI.

Изъ-за рощъ, повитыхъ паромъ,
Выплылъ мѣсяцъ рдянымъ шаромъ
И, края сосѣдней тучки
Кроя палевымъ загаромъ,
Смотритъ въ озеро, гдѣ волны
Гложутъ кручу, въ гнѣвѣ яромъ.

Я любуюсь далью мглистой
И слѣжу, томимый жаромъ,
За движеніемъ и ростомъ
Черныхъ тѣней... Ахъ, недаромъ
Ночь идетъ: благое небо
Грянетъ міру злымъ ударомъ!

* * *

Сокомъ солнца напоенный,
Воздухъ спитъ. Недвиженъ садъ.
У черешни раздвоенной
На припекѣ замеръ гадъ.

Надъ обрывомъ, глядя въ воду,
Какъ крыло повисъ плетень,
Парню съ удочкой въ угоду
На затонъ накинувъ тѣнь.

А вдали, гдѣ ходятъ косо
Будто иглы по рѣкѣ,
Выплылъ, мнится, Лель на плесо
На воздушномъ челнокѣ.

ДѢТСКОЕ.

Дремлетъ садикъ бѣлоцвѣтный.
Влажный сумракъ нѣжитъ душу.
Вспомнивъ вымыселъ завѣтный,
Тѣшусь грезой—и не трушу.
И какъ-будто жду чего-то,
Не борясь съ гипнозомъ ночи,
Что тепло, какъ изъ кивота,
Изъ аллеи смотритъ въ очи.
Хорошо мнѣ!... Будь что будетъ—
Разстегну сорочку смѣло:
Пусть росою мнѣ остудитъ
Разгорѣвшееся тѣло,
Пусть серебряная фея
Крѣпко-крѣпко—не какъ люди —
Поцѣлуемъ, сладко млѣя,
Присосется къ дѣтской груди.
Вотъ! —

И съ силой воротъ тѣсный
Сброшенъ съ пуговицъ. Мгновенье—
Точно перстъ меня чудесный
Тронулъ вскользь, какъ дуновенье;
Электрическою ванной
Обняла меня прохлада...
Мигъ еще—и магъ незванный
Измѣнилъ картину сада.

Не узнать былой природы,
Не найти сучка родного,—
Все иной, чужой породы,
Все запутано и ново.
Ни дорожки, ни поляны.
Мирты, лавры и гранаты
Сбились въ кучу, и ліаны
Оплели ихъ, какъ канаты;
И у ногъ ихъ, будто змѣи,
Странно скорчились коренья,
И гигантскія лилеи
Облеклись въ дымокъ куренья;
И изъ мрака въ сонныхъ кущахъ,
Какъ зрачки сторожевые,
Замерцали съ пней гніющихъ
Огневушки неживыя.

И, смутившись (Боже, гдѣ я!),
Въ черноту застывшей ночи,

Весь отъ ужаса хладѣя,
Устремилъ я дико очи —
И, облитъ ручьями пота,
Жду налета, нападенья
Безпощаднаго кого-то:
Птицы, звѣря, привидѣнья.
Но, росой напитанъ жирной,
Чудный садъ, гигантъ угрюмый,
Спитъ, челомъ поникнувъ мирно,
Будто полный важной думы.
Спитъ...
И вдругъ конецъ томленью
И чередъ иному чуду:
Какъ по щучьему велѣнью,
Разступилась дебрь повсюду!

Явь ли это, иль мечтанье,—
Но въ одно мгновенье ока
Свѣтъ, и блескъ, и трепетанье
Разлились кругомъ широко:
Надъ листвой, густой какъ волны,
Въ небѣ, звѣздами чреватомъ,
Загорѣлся мѣсяцъ полный
Фонаремъ зеленоватымъ;
Между листьевъ изумрудныхъ,
На вѣтвяхъ, какъ на пружинахъ,
Птицы-павы, въ перьяхъ чудныхъ,
Закачалися въ вершинахъ;

И подъ ними, сквозь вуали
Паутинныя и сѣти,
Разомъ мѣрно закивали
Кисти ягодъ и соцвѣтій;
А внизу, гдѣ пни-гнилушки
Пахли сыростью и прѣлью,
Завальсировали мушки
Брилліантовой метелью.

Дважды, трижды — изумленный,
Восхищенный, обольщенный —
Оглядѣлъ я міръ зеленый,
Такъ капризно извращенный:
Столько блеска, столько тѣней,
Столько сочности и тука,
Очертаній и сплетеній,
И — ни шороха, ни звука!
Точно слышать то, что зримо,—
Недостойно и не нужно,
Точно жизнь тутъ — пантомима
Изъ какой-то сказки южной.

И опять я жду чего-то.
И опять храбрюсь... Но поздно:
И дремота и зѣвота
Угрожаютъ мнѣ серьезно;
Да и няня какъ нарочно
Тутъ-какъ-тутъ: клюкою тычетъ

И ворчитъ и стонетъ—точно
И баюкаетъ и кличетъ.
И какъ-будто такъ и надо—
Я уже не удивляюсь,
Отдаюсь ей—и изъ сада
Въ облака переселяюсь:
Уплываю точно въ люлькѣ
На рукахъ у феи дряхлой—
И какъ зимнія сосульки
Таютъ дива грезы чахлой;
И блаженствуетъ сердечко...
И смѣются звѣзды хоромъ,
Отъ калитки до крылечка
Провожая насъ съ позоромъ.

* * *

Въ темный залъ, сквозь травы занавѣски,
Смотритъ мѣсяцъ грустными очами.
Шевелясь, хрустальныя подвѣски
Въ вышинѣ играютъ подъ лучами.

Отъ портьеръ, неясныхъ въ лунной дымкѣ,
Холодкомъ мертворожденнымъ тянетъ.
Слабый запахъ розы-невидимки
Говоритъ, что кустъ отцвѣлъ и вянетъ.

Сбоку гдѣ-то маятникъ бездушный
Тихо, ровно счетъ ведетъ мгновеньямъ.
Ждешь: вотъ-вотъ видѣній рой воздушный
Наплыветъ, грозя прикосновеньемъ.

Но напрасно: залъ пустыннѣй гроба.
Ни людей, ни духовъ. Только двое—
Я да мѣсяцъ, чуждые здѣсь оба,—
На жилище смотрятъ неживое;

Я да мѣсяцъ, въ небѣ одинокій—
Какъ подъ небомъ я, дитя юдоли,
Вопрошаемъ этотъ мракъ глубокій:
Гдѣ разгадка непонятной доли?...

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Молодость Ваша — счастіе Ваше.
Міръ съ ней привольнѣе, солнце съ ней краше,
Греза съ ней ярче и рѣчь горячѣй.
Жаль только, молодость — вешній ручей:

Мчится, сверкаетъ, плещетъ, клокочетъ,
Ищетъ чего-то, покоя не хочетъ,
Волею тѣшась и рѣзвость храня
Только до перваго знойнаго дня...

Будьте же юны, будьте счастливы!
Мирно цвѣтите, какъ мирно расли Вы,
И отцвѣтающимъ жертвамъ судебъ
Пойте о юности: пѣсня имъ хлѣбъ!

*
* *

Это твой зазвенѣлъ голосъ, полный тоски,
Голосъ, полный тоски, какъ мечта мнѣ родной,—
И уже я горю, и какъ лава въ виски—
Кровь какъ лава въ виски бьетъ горячей волной.

И, услышавъ призывъ, сердце рвется къ тебѣ,
Сердце рвется къ тебѣ, какъ былинка къ лучу:
Близъ тебя въ этотъ мигъ—не въ угоду судьбѣ,
Иль въ угоду судьбѣ—умереть я хочу.

Да, хочу умереть—потому что люблю,
Потому что люблю, робко чувство тая,
Потому что, любя, я тебя же гублю.
Я тебя же гублю, о святыня моя!...

---

* * *

Я не умѣю сердцемъ ликовать
Въ нарядномъ обществѣ, въ сіяющихъ гостиныхъ,—
Красотъ ихъ музыки, изящества картинъ ихъ
Я не умѣю смаковать.

Я не умѣю время убивать
За вальсомъ нѣжащимъ, за флиртомъ безобиднымъ,—
Объ одиночествѣ межъ женщинъ, имъ не видномъ,
Я не умѣю забывать.

* * *

Любить, бороться за любовь,
И изстрадаться съ ней и пасть,
И, охладѣвъ, зажечься вновь,
Чтобъ только пламень свой проклясть, —
О, какъ Ты мудръ, создавшій кровь!
О, какъ Ты золъ, съ ней слившій страсть!

*
* *

Сердце, полное печали!
Успокойся, отдохни:
И напѣвы отзвучали,
И погашены огни...

Ты—какъ птичка въ тѣсной клѣткѣ.
Прокляни ты жребій свой
И любовь свою—послѣдки
Прежней страсти, грозовой!

Одиноко ты. Упейся
Миромъ ночи, до зари,
На зарѣ—очнись и бейся
И разбейся и умри!...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр-цы.

Цвѣты души моей 5
Баллада о Мисселонѣ 6
Вновь замутила мечты 14
Дѣвичій взглядъ 15
* Пѣсня о Байдѣ-Казакѣ 16
Въ концертѣ. 22
Реквіемъ 23
* Трое 24
Мнѣ случай помнится 26
Романсы Донъ-Жуана:
I Любовь-моя душа. 28
II Вамъ, о музы. 29
* III Конченъ, конченъ рѣзвый день 30
* IV Была минута изступленья 31
* V Вы видѣли 32
* VI Разлука?. 33
Пѣсня: Полюбила меня, молодца. 34
Подростокъ 36
* Сказка 38
* Въ русалочью ночь. 39

*) Пьесы, отмѣченныя звѣздочкой, перепечатаны изъ ранѣе вышедшей (и нынѣ—распроданной) книги стихотвореній П. Л.

Стр-цы.

Одна родная мнѣ душа. 42
Хочется пѣть и молиться 43
Сердце безъ гнѣва 44
Разбѣжались тучи 45
* Бывало время 46
* Думка 47
Я-бъ разбилъ о порогъ 52
Прекрасны рожденные 54
Навсегда отлученная 55
* Не пойму я тебя 56
* Снова ночь... Снова бредъ... 57
* Ты какъ грѣхъ хороша 58
* Я любилъ и какъ ангелъ 59
Стихъ о Ласъ-Казасѣ, епископѣ 90
Поэту 62
* Бываютъ дни 64
* Въ кругу дѣтей 65
* Есть любовь стремленье . . . . . —
Есть одно необычайное наслажденье . . . . . —
Ужь эти критики! . . . . . —
Сердца въ словѣ отраженье . . . . . —
Предѣлъ небесъ 66
Меня простятъ 67
* Есть рѣчи 68
Не спрашивай себя 70
* На вопросъ ища отвѣта 72
* Измѣна?—Терзайся 73
Взгрустнется порою 74
* Сердце, въ свободу и солнце влюбленное 76
Пѣсня: Ахъ, весна моя цвѣла 77
Les marines:
I Угрюмая сосна надъ дюною скрипитъ 78

Стр-цы.

II Зеленая волна на отмель набѣгаетъ 79
III Пустынно море 80
* IV Черныя орды на скалы бѣгутъ 81
* V На рейдѣ 82
VI Старый маякъ 83
VII Позднимъ свѣтомъ озаренныя 84
VIII Подъ бугромъ молочной пѣны. 85
* Пѣсня гармонистки. 86
Я кончилъ тайную молитву. 88
Тебя любить, тебя ласкать 89
Пѣсни цыганки:
* I Мнѣ сегодня (лишь сегодня!) 90
* II Милый, не смѣйся 91
Какъ на звѣздочку на ясную 92
* О Матерь Божія! (Сонетъ) 93
Болѣй одинъ печалью отчужденья 94
* Есть волшебный край 95
* 29 авг. 1906 г. 96
* Добрые духи. 98
Все тоньше, тоньше, и все бѣднѣе 100
* Весна цвѣла, весна благоухала 101
Октябрь 102
Кружатся, въ паникѣ, листья 103
* Снѣжинки 104
Въ сіяньѣ полночи серебряной 105
Родное:
* I Бездна темносиняя 106
* II Солнце лучезарное 107
Въ послѣдній разъ щипнетъ морозецъ 108
* Душа раскрылася навстрѣчу звукамъ 109
И вотъ я здѣсь 110
Я посѣтилъ завѣтный край 112

Стр-цы.

* Вечеръ 113
* За темной тканью сонныхъ вербъ 114
* Тихая, теплая, лунная ночь 115
Степные очерки:
* I Ясна лазурь 116
II Заря на небѣ—и въ болотѣ 117
III Марево 118
IV Опять вдоль балки 119
V Чайки 120
Передъ грозой:
* I Тишь... томленье 121
* II Стала-двинутся не хочетъ 122
* III Быть грозѣ 123
IV Гроза идетъ 124
V Тучи за тучами гонятся 125
* VI Изъ-за рощъ 126
Сокомъ солнца напоенный 127
Дѣтское 128
* Въ темный залъ 133
* Въ альбомъ 134
* Это твой зазвенѣлъ 135
Я не умѣю 136
* Любить, бороться за любовь 137
* Сердце, полное печали 138

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. **СТИХОТВОРЕНІЯ.** Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к. (Распродано).
2. **ДОМЪ МУДРОСТИ** (Миѳы и сказки). Спб. 1910. Ц. 1 р.
3. **СНЫ МОИ И ПѢСНИ.** Спб. 1911. Ц. 1 руб. (Печатается).

Л. Барскій и П. Лучанскій. **ЗАВЯЗЬ.** Спб. 1908. Ц. 75 к.

Складъ означенныхъ книгъ у издателя: Каравайная, 6, кв. 27.

+150%

481164-17

17778/88

4
029185/688

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000060619 68